

ЧЕЧЕНСКИЕ ТАЙПЫ В ПАНКИСИ

© Т.М. ШАВЛАЕВА, Э.С. САДУЛАЕВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Аннотация. Данная статья, написанная на основе полевых материалов с использованием литературных источников, посвящена проживающим в ущелье Панкиси (Грузия) чеченцам, которых принято называть кистинцами. Отмечено, что кистинцы представлены чеченскими тайпами из Галанчожского и Итум-Калинского районов Чечни. Подчёркнуто, что пограничная часть населения, локализуемая на окраине общества, в чеченской среде на старом языке называлась кие йистой, т.е. на окраине. Древняя лексема кие имела хождение на Кавказе, она обозначает «образующее окружность очертание чего-то, или её неправильное подобие – округу».

Ключевые слова: Панкиси, чеченцы, кистинцы, Галанчож, Итум-Кале, пограничная зона, кие йист.

CHECHEN TAIPES IN PANKISI

© T.M. SHAVLAIEVA, E.S. SADULAEV

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny

Abstract. This article, written on the basis of field materials using literary sources, is devoted to Chechens living in the Pankisi Gorge (Georgia), who are commonly called Kistins. It is noted that the Kistins are represented by Chechen Typees from the Galanchozhsky and Itum-Kalinsky districts of Chechnya. It is emphasized that the borderline part of the population, localized on the outskirts of society, in the Chechen environment in the old language was called kyo yistoy, i.e. on the outskirts. The ancient token kie was used in the Caucasus, it denotes the outline of something forming a circle, or its incorrect similarity – a district.

Key words: Pankisi, Chechens, Kistins, Galanchozh, Itum-Kale, border zone, kiye yist.

Формат цитирования: Шавлаева Т.М., Садулаев Э.С. Чеченские тайпы в Панкиси // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2022. № 1 (56). С. 69–76. DOI: 10.25744/vestnik.2022.56.1.009.

Панкисское ущелье – край удивительной красоты, расположенный в Кахетии Республики Грузия, в верховье р. Алазань. По данным из открытых источников, ущелье проходит на расстоянии 60 км параллельно грузино-российской границе и отделено от нее горным хребтом. Протяженность ущелья составляет около 28 км, ширина – около 5 км. Занимаемая территория достигает 1,7 тыс. км².

С давних времён в этих местах проживают чеченцы, называемые кистинцами. В настоящее время они расселились в шестнадцать сёл Ахметовского муниципалитета, где такие населённые пункты, как Дуиси, Джоколо, Биркиани, Дзибахева, Омало, Думастури, Земо-Халацани, Квемо-Халацани, Шуа-Халацани, Корети, Цинубани и др., являются поселениями компактного проживания чеченцев-кистинцев. В период военных событий в Чечне в конце XX – начале XXI в. численность населения Панкиси заметно увели-

чилась за счёт беженцев из Чечни. По сведениям на 2011 г., в Панкиси проживало 10 000 человек, не включая беженцев. По полевым данным Э. Садулаева, на декабрь 2021 г. численность населения кистинцев, с учётом прибывших чеченцев в лихие годы, уверенно составляет более 15 тыс. Более того, по рождаемости сёла Панкисского ущелья занимают лидирующее положение в Грузии. Нынешний Ахметовский муниципалитет до 1930 г. входил в Тианетский уезд, с 1930 по 1951 г. – в Телавский уезд. Далее начинается попеременное оформление его в отдельную административную единицу.

Актуальность данной статьи заключается в том, что имеют место случаи целенаправленного искажения истории кистинцев и факта их непосредственного отношения к чеченскому народу.

При исследовании использованы следующие общепринятые методы этнографических иссле-

дований, как то: активное и включённое наблюдение, опрос информаторов, кросс-культурный метод и др.

Кистинцы, граждане Республики Грузия, говорят на кистинском диалекте чеченского языка. Как отмечает профессор Лейла Маргошвили, диалект «сохранил много архаических черт в сравнении с чеченским, например, в лексике и грамматике кистинского диалекта отмечается большое влияние грузинского языка» [1, с. 18], они также свободно владеют грузинским языком. В ущелье Панкиси представлены следующие чеченские тайпы из Галанчожского и Итум-Калинского кластеров (термин *кластер* заимствован у исследователя З. Тесаева. – Т.Ш.): мАйстой, маълхий, дишни, тёрлой, хилдехъарой, аьккхий, нашхой, гъзхой, хъачарой. Зафиксированы по одной фамилии из Шароевского общества Шикъара и Чеберлойского общества Макажа. Шатоевцы и Ичкеринцы здесь не представлены, а если и были, то они примкнули к более крупному тайпу [2, ПМА-1]. По полевым материалам Э. Садулаева, в опрошенных 51 семье Панкиси жители указали следующую тайповую принадлежность: мАйстой – 12 семей, хилдехъарой – 12 семей, маълхий – 9 семей, нашхой, терлой, хачарой – по 3 семьи и т. д. [3, ПМА-2].

В чеченском языке насчитывается до 12 диалектов и говоров. Как пишет профессор И.А. Арсаханов, кистинский диалект представлен в Ахметовском районе Грузинской ССР. На кистинском диалекте говорят жители селений Дуиси (около 5 тыс. человек), Джоколо (около 400 человек), Омало (около 500 человек), Биркиани (свыше 200 человек), Забакхи (15 семейств), Халацани (35 семейств), которые находятся в живописном ущелье Панкиси [4, с. 155]. «Основную массу кистин составляют представители галанчожского диалекта, подразделяющегося на майстинский, мелхистинский, аккинский и эрстхоевский говоры» [5, с. 8]. Кистинцы говорят даже сегодня на своём родном тайповом диалекте или говоре, которые в свою очередь испытали влияние грузинского языка. При беседе с ними можно определить, который из них по тайпу хъачаро, дишни, мАйсто, маълхи и т. д. Каждый кистинец знает название своего тайпа и где находится его родовое село на территории Чеченской Республики. Чеченские фамилии записаны в грузинских традициях с окончанием «швили» и «ури», к примеру, Маргошвили, Хангошвили, Хаяури и др.

Замечательный исследователь, этнограф Н.Г. Волкова отмечает, что Кавказ всегда был регионом интенсивных контактов, что обуслови-

валось его географическим положением, историческими условиями, большой полиэтничностью. При наличии общей этнической границы на территории расселения возникают прямые этнокультурные контакты, которые оказывают заметное влияние на все сферы деятельности контактирующих этносов [6, с. 159].

Социально-экономические и культурные связи между чеченским и грузинским народами имеют давнюю историю. Эти связи оставили глубокий след в языке, хозяйственной деятельности, духовной культуре. Известный кавказовед А.И. Шавхелишвили сообщает, что взаимосвязи народов Северного Кавказа с Грузией засвидетельствованы в ранних грузинских источниках XI, XII–XIV, XV вв. В XI–XIII вв. в феодальной Грузии наблюдается расцвет экономики и культуры. В XI–XII вв. **Грузия расширяет связи с народами Северного Кавказа**, в том числе и с вайнахами, которые выгодно играли роль посредника в торговле между Западной Европой и странами Востока [7, с. 5–6, 12, 108]. Тема взаимосвязи Грузии и народов Северного Кавказа была актуальной в работах видных грузинских учёных М. Джанашвили, И.А. Джавахишвили, Н.А. Бердзенишвили и многих других.

Вайнахо-грузинские отношения вписали яркие страницы в историю этих народов. К примеру, воинственные предки вайнахов дзурдзуки имели непосредственное отношение к истории Грузии в судьбоносные периоды для Картли. По свидетельству историка XI в. **Леонтия Мровели**, одного из составителей «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»), супруга первого царя Картли Фарнаваза (I пол. III в. до н.э.) была дочерью предводителя дзурдзуков. В этом браке родился будущий второй царь Картли Саурмаг, на защиту которого стали дзурдзуки, когда он, изгнанный картлийскими эриставами, со своей матерью пришёл к ним. Тётя Саурмага по отцовской линии была замужем за осетинским правителем, поэтому Саурмаг нашёл поддержку не только у дзурдзуков, но и у осетин: «Саурмаг, собрав большое войско осетин и дзурдзуков, отправился на завоевание Картли, и никто не посмел выступить против него. И завоевал он Картли и уничтожил всех отступивших от него» [8, с. 25–27].

Переселение жителей со стороны Северного Кавказа в Панкиси практиковалось издавна, хотя и носило эпизодический характер. В зависимости от исторической обстановки переходы то усиливались, то ослабевали. По мнению академика Н.А. Бердзенишвили, северокавказские племена довольно активно продвигались в Закавказье и

вливались в местные племена во время татаро-монгольского нашествия [9, с. 125].

Профессор Л.Ю. Маргошвили, ссылаясь на известных исследователей (К. Ган, А. Зиссерман, Б. Скитский), анализирует причины переселения вайнахов и выделяет, прежде всего, экономические, связанные с нехваткой земель. Другая причина имела непосредственное отношение к кровной мести: человек, признанный виновным, как правило, менял место жительства, опасаясь мести со стороны родственников убитого.

Причиной переселения является и хорошо известный в прошлом обычай «байталвакхар», согласно которому в чеченском обществе не допускалось заметной имущественной дифференциации. По решению Совета производили конфискацию имущества, которое в итоге распределяли между членами общества. Опасаясь такой участи, некоторые зажиточные хозяева обосновывались в новых местах [10, с. 30–31].

В период Кавказской войны одним из актуальных оснований переселения чеченцев являлось несогласие с жестким режимом Шамиля, сопровождавшимся насаждением чуждых им правил. Утвердившиеся в Имамате чрезмерно суровые методы не вписывались в чеченское общество. Нежелание населения верховья Аргунского ущелья, а также соседствующих зон присоединиться к Имамату толкало на отчаянные формы сопротивления, с одной стороны. С другой, усиливались беспощадные методы принуждения, которые иной раз принимали трагический характер. Так, в ауле Шарой, который к тому времени был исламизирован, жители были заперты в башню и сожжены за то, что они якобы отказывались принимать исламскую религию. Как известно, насилие противоречит истинному исламу, о чём не мог не знать имам Шамиль. На самом деле, прикрываясь религией, столь очевидное зверство по отношению к шаройцам, являлось наказанием за неподчинение устанавливаемым новым порядкам.

Источник отмечает, что компактное переселение кистов в Грузию началось с 1791 г., а также выделены даты 1831, 1841, 1848, 1854, 1860 гг. и другие [11, с. 55], хронологически совпадающие с периодами крупных политических событий, имевших место в Чечне. Как известно, только в течение 100 лет, начиная с 80-х гг. XVIII в., Чечню потрясли такие крупные события, как выступления под руководством шейха Мансура, имама Шамиля, Алибека-Хаджи Алдамова, Умы Дуева и др. [12, с. 24, 43, 81, 85].

Начиная с XVIII в. политическая обстановка на Кавказе была сложной, не являлось исключе-

нием и Панкисское ущелье, ставшее территорией частых грабительских набегов и практически пуштовавшее долгое время. Грузинские князья были заинтересованы в укреплении территории, поселив там воинственные племена, способные дать отпор набегам, а также в хозяйственном освоении заброшенных мест.

Местный краевед из селения Дуиси, историк Хасу Хангошвили информирует, что чеченец Дуй из рода дишни Итум-Калинского района, именем которого после его смерти называли село Дуиси, самое крупное село в ущелье, поселился здесь в 1826 г. К середине XIX в. было достигнуто соглашение с грузинской стороной по вопросу переселения жителей из чеченского общества Майсты. В 1851 г. в ущелье прибыло более 50-ти семей, которые основали село Джоколо по имени майстинца из Пуго Деркиза Джоколо, сумевшего достигнуть компромиссного соглашения. В камеральных описаниях Теонетского уезда (1860 и 1866 гг.) Грузии зафиксированы сёла, откуда переселились эти семьи. В частности, отмечено кистинское селение Майсты. В соответствующих графах указаны возраст, национальность, вероисповедание, сословие, трудовые занятия переселенцев [13].

В приграничных с Грузией обществах Чечни того времени исламские традиции не были сильными, поэтому в более ранние периоды переселения в Грузию некоторая часть населения, оказавшись в христианской среде, приняла традиции христианской религии. Однако, оказавшись в среде единоверцев, которые переселились позднее, они переходили в исламскую веру.

Большие усилия по распространению ислама среди чеченцев Панкиси приложил дишниец Габиш-Хаджи, первым совершивший хадж в святы места Мекки в 1895 г. в возрасте 75 лет [14, ПМА-3]. Как свидетельствует надпись на чурте, Габиш-Хаджи умер в 1912 г. в возрасте 92 лет. Похоронен на старом кладбище села Дуиси. На могиле этого паломника стоит своеобразный памятник (чурт) декоративно-прикладного искусства, напоминающий корпус человеческого тела со стилизованным изображением головы в шапке с чалмой. Такие памятники ставили тем, кто совершил хадж в святы места Мекки. Подобные памятники нами зафиксированы и в Чечне, в частности, в с. Пхьамта Шатойского района.

В соседнем селе Джоколо, основание которого приходится на более позднее время, сохранились памятники языческой культуры. Захоронения умерших идентичны с теми, что мы находим в маълхинском обществе Чечни. Каменные плиты естественной формы сложены на могилах так,

что образуют сооружение, надёжно защищающее тело покойника. Завершает строение, как правило, большая каменная плита природной формы, устанавливаемая вертикально к могиле. В некоторых есть ниши, куда вставляли каменные плиты с надписями на грузинском языке. На одной из них указана дата смерти (11 мая 1890 г.), имя и фамилия на грузинский манер с окончанием «швили».

На старом кладбище селения Джоколо, с правой стороны у входа, зафиксировано грунтовое захоронение, на котором лежит каменный памятник с выровненными краями в размерах надмогильного памятника «чурт», характерного для мусульманских захоронений. Однако мусульманской знаковой символики в виде звезды и полумесяца на памятнике нет. Могила отличается от остальных тем, что на ней нет таких нагромождений нестандартных каменных плит, как на остальных. Сделанная на грузинском языке надпись доносит до нас дату смерти (12 число в месяц виноделия, т. е. октября 1892 г.), имя, фамилию на грузинский манер с окончанием «швили» и просьбу покойника к тому, кто его видит, помолиться о его помиловании.

На чеченских кладбищах заметно влияние традиций христианской культуры, в окружении которой они оказались волею судьбы, но вытесняемых по мере утверждения ислама [15, ПМА-4].

Таким образом, чеченцы, проживающие в ущелье Панкиси Кахетии, являются частью чеченского народа, представленные тайпами с пограничных с Грузией районов Аргунского ущелья.

Среди северокавказских племён, часто упоминаемых в литературных источниках, встречаются племена кистов/кустов/киштов. Авторы рассматривают их или как самостоятельные племена, или отмечают их принадлежность то к чеченцам, то к ингушам. Порой встречаются и противоречивые толкования. И. Бларамберг пишет: «Кистины населяют высокогорные долины склонов Северного Кавказа; к северу от них живут чеченцы и ингуши, к востоку – племена лезгин и аварцев, на западе проходит большая Военно-Грузинская дорога и Джерахия, к югу – живут гудомакары, хевсуры и тушины» [16, с. 310]. А.П. Берже отмечает: «Тушино-Пшаво-Хевсурский Округ граничит с севера с Кистинами и землёю горных Чеченцев, населяющих верховья Аргуна» [17, с. 42]. И.А. Гильденштедт свидетельствует, что «округ Чечен... занимает местность Нижнего Аргуна и возвышенность Сунджи и является значительным, поэтому под названием его жителей чеченов часто понимается вся кистин-

ская нация» [18, с. 242]. Но по утверждению того же автора: «...Приступил к поездке от Моздока к горному народу, который называется ингуши, или кисти» [18, с. 36].

Исследователь Б.К. Далгат находит в трудах И.А. Гильденштедта много ценных сведений о чеченцах, называемых кистами [19, с. 33].

По мнению П.К. Услара, кисти и чеченцы – это тоже, что баварцы и германцы, с той разницей, что название баварцев известно, а название кистов неизвестно. Кистами грузины называли ту небольшую часть чеченцев, с которыми они по временам находились в сношениях [20, с. 1].

Отметим, что академик А.П. Берже относит к чеченцам в том числе и следующие племена: назрановцы, галашевцы, джейрахцы, кисты, галгаевцы и многие другие [21, с. 64]. Автор также обозначил, что кисты разделяются на ближних и дальних. Первые живут по ущельям Макалдона, притока Терека, а последние – по ущельям р. Аргун [21, с. 65].

Подразумевая под «Географией» известный средневековый армянский источник, Е.И. Крупнов пишет, что среди перечня народов, некогда обитавших в Азиатской Сарматии, в этой «Географии» значатся этнонимы, за которыми скрываются уже прямые предки чеченцев и ингушей – «нахчматъяны» и «кусты»/«кисты» [22, с. 28], что следует понимать, по нашему мнению, следующим образом: нахчматъяне – прямые предки чеченцев, а кисты (кусты) – прямые предки ингушей. Или: и нахчматъяне, и кисты (кусты) – прямые предки и чеченцев, и ингушей.

Известный кавказовед Е.Н. Кушева приходит к выводу, что «кистины» в греческих текстах, которые обычно встречаются в документах этого времени грузинского происхождения, нередко употребляется как общее название для ингушских племён [23, с. 64–67].

Именитый этнограф Н.Г. Волкова указывает, что «выше по Чанты-Аргуну, за тейпой Чанти, на р. Майстыхи (правый приток Чанты-Аргуна), расположено общество Майсты, население которого, по утверждению чеченцев, жителей Итум-Кале, грузины называют кисти» [24, с. 166–167].

Как видим, в литературных источниках нет единого мнения по актуальному вопросу о том, к какому народу кистинцы имели отношение непосредственное – чеченцам или ингушам. Поэтому обратимся к полевым материалам.

Согласно полевым материалам Т. Шавлаевой, собранным в разные годы, в кавказской среде издревле имела хождение лексическая единица «кие» (проникшая, предположительно, из Перед-

ней Азии). Кие – очертание чего-то, образующее окружность или её неправильное подобие – округу. В чеченской традиции изначально она зафиксирована в названии элемента орнамента. Далее как термин уходит в сферу общественного устройства, участвует в образовании топонимических названий – Кей (Кией), Кенхи (Киенхи), Кири и т. д. При соединении с суффиксом -л тоже имеет смысл округи общественного устройства – *Киела*, и также уверенно утверждается в чеченской топонимике (например, *Нахч-Киела*, *Хьал-Киела* и т. д.). При соединении с *шу* слововая лексема *ки* образует *киш*, обозначая то пространство (территорию), на которое распространяется влияние определённой силы, власти, идеологии [25, с. 130]. В старом языке чеченцев лексема *кие йист*/*кие йистие* обозначает окраину. Следовательно, та часть населения, которая проживала на окраине основного поселения, называлась *кие йистой*, что постепенно перешло в *кистой*. Принадлежность (вхождение) этой территории к главному поселению обозначалось термином *киштие*.

Самое интересное заключается в том, что территория *кие йист* (окраина) и поселения *кие йистой* (кистой), т. е. проживающие на окраине, существовали в прошлом во всех обществах Чечни, в частности Чеберлое, Шарое, для обозначения поселений, приграничных с чужой территорией. По нашему мнению, по мере слияния приграничных поселений с основными поселениями, в Чеберлое и Шарое термин ослаб. В Галанчожском кластере термин сохранился дольше в силу исторической обстановки, отдалённости и некоторой изолированности. Следует ли удивляться тому, что труднодоступные чеченские общества Майсты и Малхисты и другие приграничные с Грузией территории назывались ещё в XVIII–XIX вв. кистинскими.

Вышеуказанные тайпы на своей исторической родине проживали в приграничных районах с Грузией, в схожих ландшафтных условиях у них складывались единые формы хозяйственной деятельности, порой их объединяли бурные политические события. Взаимопонимание между ними имело надёжную материальную основу. Этот тезис подтверждает нижеприведённый материал.

Основными хозяйственными занятиями кистин являлись скотоводство и земледелие. При этом выгодной отраслью животноводства считалось овцеводство. На овцеводческом хозяйстве базировался промысел, связанный с обработкой шерсти и выделкой шкур. Женщины изготавливали бурки, декоративные войлочные ковры, во-

йлочные шапки. Производство домашнего сукна на примитивном ткацком стане практиковалось вплоть до 50-х гг. XX в., потому что накидки для пастухов, широко востребованные из-за своей высокой практичности в овцеводческом хозяйстве, делали именно из этого материала. Мужчины обрабатывали шкуры. Были здесь известные мастера по дереву и строительному ремеслу. Эти промыслы сохранились в этой местности до сих пор.

Кистинцы сохранили лучшие хозяйственные и культурные традиции чеченцев, даже будучи в окружении христианской культуры, больше чем проживающие на своей этнической родине чеченцы. Свою национальную идентичность кистинцы связывают с чеченцами и весьма болезненно реагируют, когда их называют грузинскими чеченцами.

Традиционная хозяйственная терминология кистинцев в целом совпадает с той, что имела распространение в сёлах Чечни, откуда переселились нынешние жители Панкиси. К примеру, веретено, как и в сёлах Галанчожского и Итум-Калинского районов, здесь называется «я1ч1ийжиг», а шерстяные нити – «шенчарг», навозное удобрение – «дуюш», мотыга – «тиекх» и т. д., когда в равнинных обществах Чечни эти же предметы называются – «урчукх» (веретено), «аьхниг» (нити), «кхиелла» (навоз), «метиг, цел» (мотыга). Встречается множество слов, которые вышли из обихода в чеченской среде, но сохранились в кистинской, к примеру, швы – таканаш; каштан – ц1абар; зуома – рассчитать на глаз; мотыга – тиекх и т. д.

Кавказ отличается сложными условиями для ведения интенсивной хозяйственной деятельности, особенно в высокогорье. Удивительно красивый, но суровый ландшафт края требовал большой выносливости, трудолюбия и смекалки поселенцев, чтобы вписаться в географическую среду. Хозяйственное освоение территории заставляло искать своеобразные методы животноводческой практики, обработки земли, организации домашних производств и промыслов. Домашние промыслы базировались на известных формах хозяйственной деятельности, и в условиях отсутствия государственной промышленности имели первостепенное значение в экономической жизни горцев. Несомненно, сходные природные реалии Грузии и Чечни в контактной полосе способствовали складыванию единого культурно-хозяйственного типа, который сыграл заметную роль в сближении двух народов.

Грузино-вайнахские языковые параллели также свидетельствуют о тесных связях, которые

складывались, прежде всего, в хозяйственной сфере. К примеру, древнее и очень важное орудие земледелия плуг: *гутани* (груз.) – *гота* (чеч.). Одинаковую форму и назначение имели деревянные молотильные доски *кеври* (груз.) – *эрнеI* (чеч.). Они представлены в музеях Грузии, в частности, Национальном музее Грузии, сельском музее чеченского села Дуиси (Панкиси). В переводе с чеченского языка *эрнеI* означает «молотильная шкура», из этого явствует, что деревянным молотильным доскам предшествовали шкуры крупного рогатого скота с проткнутыми тяжёлыми и острыми предметами.

Совпадают названия некоторых домашних животных, в частности, буйвол: *гомеч* (груз.) – *го-маш* (чеч.); курица: *катами* (груз.) – *котам* (чеч.); осёл: *вири* (груз.) – *вир* (чеч.) и др. *Боло* (груз.) – горб; *боло* (чеч.) – верхняя часть. Наблюдаются сходства в исторической метрологии, складывающейся с глубокой древности параллельно с хозяйственной деятельностью народа, связанной с измерениями. Следующие заимствования являются свидетельством давних хозяйственных связей. Мера сыпучих: *гуерди* (груз.) – *гирда* (чеч.); мера веса (фунт): *гирванка* (груз.) – *герка* (чеч.); мера жидкости и сыпучих: *коди* (груз.) – *кад* (чеч.) и т. д. Как в грузинской среде [26, с. 167], так и чеченской, был распространён такой способ измерения, когда за основу брали поверхность земли, на которой можно было посеять определенное количество зерна, вместившееся в какой-нибудь мере сыпучих тел.

По единодушному мнению авторов М.Р. Ужахова [27, с. 44–47] и З.А. Мадаевой [28, с. 14], идентичны названия недели: *кIвири* (груз.) и *кIира* (чеч.) и понедельник: *оршобат* (груз.) и *оршот* (чеч.). Название современной чеченской пятницы «пIераска» (чеч.)/пIаьраска (инг.) восходит к христианской Святой Параскевы, которой активно поклонялись в средние века и в Грузии. Как известно, пятница до принятия ислама у чеченцев называлась *пхеъра*, от слова *пхиъ* – пять. Выходит, что исконно чечено-ингушское название пятницы «*пхеъра*» ушло из повседневной практики, и создаётся мнение об отсутствии названия этого дня недели на родных языках. Не утвердилось также и арабское название «джума», которое пришло с принятием исламской религии. Всё это указывает на связанные с соседней Грузией глубокие хозяйственные и культурные традиции.

Заметные параллели прослеживаются в керамическом производстве, которое относится к одному из древнейших производств на Кавказе и получило здесь широкое развитие. Начало ке-

рамического производства на Кавказе связывают с эпохой неолита – V тыс. до н.э. Керамические изделия делали разных форм и объёмов, простые и поливные, которые украшались (или не украшались) орнаментом. Ёмкости больших размеров для хранения вина (300–400 л.) в Грузии называются *кIевври*, а ёмкости 10–12 литров – *коцо*. В Чечне тоже практиковались керамические кувшины (*кхаба*), из которых большие ёмкости наподобие *кIевври* назывались *хуланаш* (ед. ч. *хула*), используемые для хранения зерна. Имеют сходство образцы кровельной черепицы, водосточных труб, и создаётся впечатление, что их делали по единой форме.

Экономически значимым, а поэтому и распространённым, из промыслов на Кавказе являлся шерстяной, который базировался на развитии в крае овцеводстве. Видные кавказоведы Е.И. Крупнов, Б.А. Калоев, В.М. Шамиладзе, М.А. Агларов, А.И. Хасбулатов, Ш.Б. Ахмадов единодушны во мнении о высоком уровне развития овцеводства на Кавказе. Верно утверждение, что овца – самое выгодное животное, какое может иметь человек на Кавказе. По данным А. Калантара [29, с. 3], в начале XIX в. на Кавказе разводили 13 пород овец (включая их разновидности, число доходило до 30). По нашим полевым материалам, в отарах чеченских горцев заметно преобладала тушинская порода овец (*бациой уьстхий*), а также разводили чеченскую, имеритинскую (две разновидности), дагестанскую (несколько разновидностей) и другие породы овец. У народных мастериц особенно востребована была шерсть тушинской овцы. И в Грузии, и в Чечне имело широкое развитие изготовление шерстяных изделий – войлочных и тканых.

В издавна характерных для Грузии и Чечни производствах (обработка камня, дерева, кости, рога, металла) зафиксированы схожие технологии. К примеру, в период позднего средневековья особенно было развито изготовление деревянной посуды в горных пограничных с Грузией обществах Чечни – Маьлхисты и Майсты.

Таким образом, мы попытались отметить хозяйственные и культурные традиции, издавна сложившиеся между грузинами и чеченцами, а также их совместное участие в политических событиях. Существующие сходства в домашних производствах являются следствием единого хозяйственного типа, который сформировался в одинаковых географических условиях. Немаловажную роль сыграла пограничная зона, способствовавшая дружественным отношениям контактирующих народов.

Грузия является южным соседом Чеченской Республики, между ними издавна складывались социально-экономические, политические и культурные связи. Важно отметить, что только на волне добрососедских отношений могли иметь место факты переселения из Чечни на территорию Грузии. Следует подчеркнуть ещё раз, что проживающие в Панкиси чеченцы, называемые кистинцами, представлены чеченскими тайпами, которые до сих пор имеют свои родовые сёла на территории Чеченской Республики. Обращаясь к этимологии термина «кисти», ещё раз отметим, что слоговая лексема **ки** в старом языке чеченцев означает «**округа**». Лексема имела хождение на Кавказе и, предположительно, пришла из языковой среды Передней Азии. Она сохранилась в на-

родной среде (особенно в сельской местности) и в наше время, к примеру, если человек вышел во двор, то говорят «**кие** тIе ваьлла» (–е добавляется для указания направленности). Если человек стоит на краю двора – «**кие** йистие ваьлла». Термин **кие йист** в чеченской традиции означает «**окраина**». Люди, проживающие на окраине основного общества, назывались **кие йистера**, **кие йистой**, что в итоге оформилось в **кисти**. Таким образом, это был характерный термин для приграничных зон, зафиксированный не только в верховье Галанчожа, но и Чеберлоя, Шароя. В силу своеобразной обстановки, отдалённости и изолированности сёл верховья Галанчожского кластера приграничные территории киейисте/кистие приобрели социальную и политическую окраску.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990.
2. ПМА-2: Материалы авторов. 2011, 2020–2021 гг. Панкиси. Грузия.
3. ПМА-1: Материалы собраны стажёром отдела этнологии ИГИ АН ЧР Эмилханом Садулаевым.
4. Арсаханов И.А. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.
5. Алироев И.Ю., Маргошвили Л.Ю. Кистины. М., 2006.
6. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // Кавказский этнографический сборник. Т. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М.: Наука, 1989. 288 с.
7. Шавхелишвили А.И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения (с древнейших времён до конца XVIII в.). Тбилиси: Мецниереба, 1992.
8. Карглис Цховреба (Житие Грузии). Т. I. Тбилиси, 1955.
9. Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. VI. Тбилиси, 1973.
10. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990.
11. Кризис этнокультуры и безопасность общества (Панкисское ущелье). Тбилиси, 2003.
12. Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
13. Камеральное описание Теонетского (уезда) округа селения Панкиси:
(Ф. 254. Оп. 2. Д. 239 GE_CHA_254_2_239_03.jpg);
(Ф. 254. Оп. 2. Д. 239 GE_CHA_254_2_239_04.jpg);
(Ф. 254. Оп. 2. Д. 239 GE_CHA_254_2_239_16.jpg);
(Ф. 254. Оп. 2. Д. 239 GE_CHA_254_2_239_19.jpg).
14. ПМА-3: Информатор Хасу Хангошвили, 1942 г. р., записано в с. Дуиси Республики Грузия в апреле 2011 г.
15. ПМА-4: Записки в сёлах Панкиси Республики Грузия, апрель 2011 г.
16. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010. 398 с.
17. Берже А.П. Краткий обзор горских племён на Кавказе. Переиздание. Нальчик, 1992.
18. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
19. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. Переиздание. М.: Наука, 2004.
20. Услар П.К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
21. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Переиздание. Грозный: Книга, 1991.
22. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.
23. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.
24. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

25. Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2009.
26. Джапаридзе Г.И. Очерк по истории грузинской метрологии (IX–XIX вв.). Тбилиси: Мецниереба, 1973.
27. Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный: Чеч.-Инг. ун-т, 1979. 92 с.: ил.
28. Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный: Книга, 1990. 96 с.
29. Калантар А. Характеристика кавказских пород овец. Тифлис, 1913. 24 с.

ПЬАНКІАЗАРА НОХЧИЙН ТАЙПАНАШ

© Т.М. ШАВЛАЕВА, Э.С. САДУЛАЕВ

Нохчийн Республикин Илманийн академи, Сольжа-ГПала

Боцца чулацам. Литературин хьостанех пайда а оьцуш, арахь гулийнчу материалийн бух тІехъ язйина йолу хІара статья лерина ю Гуьржсихара ПьянкІаза чІажсахъ бегахш болчу нохчашина, ца-рах кистинхой олу. Билгалдаьккхина, кистинаш Нохчийчуьра ГаланчІожан а, Итон-Кхаьллан а кІошташкара тайпанин векали хилар. Иштта кьастадо, юкьараллин дозанехъ бегахш болчех нохчийн ширачу маттахъ кизийистой олуш хилла хилар. Киэ боху шира лексема Кавказехъ пайдаоьцуш лелош хилла ширачу заманахъ, цо билгалбоккху цхьана хІуманан гуо я цуьнан тайпана кхин – кІошта.

Кобьрта дешнаш: ПьянкІаза, нохчийн, кистинаш, ГаланчІож, Итон-Кхаьлла, мехкан доза, киэ йист.